
ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.16

УЛЬЯНОВ А.В.¹ О ПРОБЛЕМАХ ОГРАНИЧЕНИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В обзоре рассмотрены проблемы реализации нормативных и индивидуальных ограничений автономии воли у субъектов гражданского права. Отмечается действие исключений из свободы воли на каждой стадии движения гражданских правоотношений: в преддоговорных отношениях – обязанность по добросовестному ведению переговоров; при заключении договора – соблюдение преимущественных прав других лиц; в ходе исполнения договора – возможность вмешательства суда за счет применения мер принуждения. Сделан вывод о том, что автономия воли должна применяться за пределами указанных ограничений и восстанавливаться при их отмене.

Ключевые слова: автономия воли; свобода договора; преимущественное право покупки; обязанность добросовестного ведения переговоров; понуждение к исполнению обязанности в натуре.

ULYANOV A.V. On the problems of limiting the autonomy of will in civil law

Abstract. The review considers the problems of implementing regulatory and individual limitations of the autonomy of will of subjects of civil law. It notes that the exceptions to the freedom of will

¹ Ульянов Алексей Владимирович, научный сотрудник отдела правопедания ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

have effect at each stage of the execution of civil-law relations: within pre-contractual relations – a duty to negotiate in accordance with good faith; within conclusion of a contract – respect for the others' preemptive rights; within performance of contract – court's legal powers to interfere by applying the enforcement measures. It concludes that the autonomy of will should continue in force outside such the limitations and be restored in the event of abolition of them.

Keywords: autonomy of will; freedom of contract; right of first refusal; good faith negotiations duty; enforcement of specific performance.

Для цитирования: Ульянов А.В. О проблемах ограничения автономии воли в гражданском праве // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 205–216. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.16

Введение

В ходе реформирования гражданского законодательства РФ подвергся изменениям ряд ключевых институтов гражданского права. На уровне основных начал результаты реформ затрагивают автономию воли участников гражданских правоотношений, юридический смысл которой постепенно пересматривается цивилистами в сторону ее признания опровержимой презумпцией¹. В связи с этим необходимо поднять вопрос о действии правомерных ограничений автономии воли в рамках конкретных институтов гражданского права. На данных вопросах так или иначе сосредоточили внимание авторы, чьи работы приводятся в обзоре. Как следует из их работ, ограничение автономии воли будет принципиально допустимым по следующим основаниям.

Обязанность добросовестного поведения в преддоговорных отношениях (при проведении переговоров). Сотрудники Университета Себеласа Марета (г. Суракарта, Индонезия) в своей статье [6] исследуют проблемы гражданско-правовой охраны интересов потерпевшего лица, которому может быть причинен вред из-за недобросовестного поведения контрагента при переговорах

¹ См.: Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – Москва, 2016. – С. 245–246, 288–291.

по поводу заключения договора. В работе дается сравнительная характеристика подходов к регулированию таких отношений в странах общего и континентального права, с учетом которой предлагаются пути совершенствования индонезийского законодательства.

Как пишут авторы, гражданское право Индонезии прямо предусматривает действие требований добросовестности лишь при исполнении уже заключенного договора. В то же время, с точки зрения гражданско-правовой доктрины, начала добросовестности должны применяться также и в преддоговорных отношениях, гарантируя защиту разумным ожиданиям той стороны, которая понесла расходы в связи с ведением переговоров о заключении договора. Континентальное право, реализуя принцип добросовестности в преддоговорных обязательствах, придает юридическое значение надлежащему ведению переговоров. Что касается общего права, то действующие в нем положения *promissory estoppel* сконцентрированы на основаниях и условиях возмещения убытков пострадавшей стороне¹. Вместе с тем невыполнение обязанности по добросовестному проведению переговоров повлечет для нарушителя сходные юридические последствия и в странах общего, и в странах континентального права [6, р. 2–3, 4–5].

Авторы относят индонезийское право к континентальной правовой семье. С этих позиций определяются правовые параметры взаимоотношений сторон на преддоговорной стадии. В такие параметры включаются, среди прочего: 1) само ведение переговоров, в ходе которых должны быть исключены принуждение или обман со стороны контрагента; 2) проведение правового аудита потенциального контрагента с целью выяснения возможности исполнения будущих договорных обязательств (запрещается разглашение конфиденциальной информации и иное недобросовестное использование сведений, полученных в процессе проведения пра-

¹ В силу положений *promissory estoppel* сторона, давшая в преддоговорных отношениях обещание, не отвечающее юридическим признакам, при наличии которых договор считается заключенным, лишается права ссылаться на отсутствие обязательства и должна возместить другой стороне убытки, понесенные в связи с нарушением обещания. При этом юридическое основание, из которого возникла обязанность возместить указанные убытки, заключенным договором не признается (см.: Осаке К. Сравнительное правоведение: схематический комментарий. – Москва, 2008. – С. 348, 443–445).

вового аудита); 3) заключение между сторонами соглашения о намерениях – *memorandum of understanding* (хотя в договорном праве Индонезии отсутствуют прямо сформулированные положения, регулирующие соглашение о намерениях, это понятие признано индонезийской цивилистической наукой). Последствиями нарушения требований добросовестности могут быть расторжение (*cancellation*) заключенного договора или соглашения о намерениях и возмещение понесенных убытков потерпевшей стороне. В законодательстве Индонезии нужно закрепить специальные положения на этот счет [6, р. 3–4, 6–8].

Право на совершение, отказ или уклонение от сделки ограничено в силу обязательства. Сотрудниками юридического и экономического факультетов Аньхойского университета финансов и экономики (г. Бэнбу, Китай) рассматриваются вопросы преимущественного права, в том числе реализации участниками хозяйственного общества преимущественного права покупки доли в уставном капитале (акций) этого общества в соответствии с корпоративным законодательством КНР [5].

На практике преимущественное право покупки доли в уставном капитале возникает не только на основании закона, но и на основании (инвестиционного) договора. Охрана этого права предоставляется по двум причинам: необходимость в сохранении стабильного состава учредителей (участников) и их возможность увеличить свои доли, тем самым спокойно расширяя объем инвестиций в компанию в условиях уверенности в долгосрочном контроле над ее уставным капиталом [5, р. 347].

В статье обращается внимание на ряд основных проблем, которые связаны с осуществлением преимущественного права покупки. Во-первых, существуют риски обхода ограничений, обусловленных наличием преимущественного права, при определении условий отчуждения доли третьему лицу, включая вероятность злонамеренного сговора с таким лицом. Во-вторых, преимущественным правом покупки, как правило, не блокируется отчуждение долей аффилированному лицу компании. В-третьих, преимущественное право не должно распространяться на определенные ситуации, при которых переход доли к третьему лицу признается допустимым. К таковым, относятся, в частности, наследование долей, передача долей работникам хозяйственного общества в качестве

меры поощрения за труд и те случаи, когда учредитель (участник) ранее давал согласие на определенные способы изменения долей [5, р. 347–348].

Авторы излагают собственные соображения по поводу совершенствования механизма правового регулирования осуществления преимущественного права покупки доли (акций). Предложено четко определить условия действительности договора об отчуждении доли в уставном капитале третьему лицу. Нужно также разрабатывать эффективные способы защиты интересов участника (учредителя) ввиду практических затруднений с применением судебного порядка перевода на потерпевшее лицо прав и обязанностей покупателя доли. Кроме того, следовало бы обеспечить противодействие злоупотреблениям преимущественным правом покупки доли со стороны самих учредителей (участников) компании [5, р. 348].

В корпоративном праве ограничение автономии воли может быть выражено в специальных приемах принуждения к совершению должного волеизъявления. Сотрудники Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (г. Астана, Казахстан) в своей статье [1] исследовали этот вопрос на примере последствий нарушения обязательств по корпоративному договору.

Авторы исходят из того, что действующим законодательством Республики Казахстан корпоративный договор не предусмотрен (законопроект по этому вопросу разрабатывается). В цивилистической науке Казахстана корпоративный договор рассматривается как договор между участниками юридического лица, посредством которого между ними достигаются определенные договоренности по организации деятельности юридического лица и управлению им. Исходя из принципа свободы договора, заключение такого соглашения правом Казахстана разрешается – ввиду отсутствия прямого запрета. Для определения надлежащих способов защиты от нарушений обязательств, вытекающих из корпоративного договора, авторы обратились к российскому и зарубежному опыту конструирования корпоративного договора и его применения [1, с. 34, 40–41].

На страницах статьи ученые-цивилисты в первую очередь рассматривают перспективы реализации сторонами по корпоративному договору традиционных способов защиты, которые пре-

доставляют потерпевшему суррогат исполнения, в форме уплаты неустойки и возмещения убытков. С точки зрения авторов, эти способы не могут полноценно удовлетворить договорный интерес потерпевшей стороны. Так, при взыскании неустойки вероятны затруднения с определением ее размера и существует риск его уменьшения по усмотрению суда [1, с. 34–35]. Что касается убытков, то подтверждение оснований их возмещения является для потерпевшего тяжелым бременем в связи с высоким стандартом доказывания [1, с. 36–37].

Мерой, способной реально обеспечить интересы потерпевшего контрагента в корпоративном договоре, может стать понуждение к исполнению обязанности в натуре. Вследствие специфики обязательства, такой механизм принуждения подразумевает ограничение свободы воли неисправного контрагента в части установления и изменения корпоративных правоотношений. Дело в том, что понуждение к реальному исполнению корпоративного договора означает присуждение к совершению должного волеизъявления (голосования на общем собрании, выкупа доли в уставном капитале и др.) и аннулирование судом ненадлежащего волеизъявления (признание недействительным решения общего собрания). Следовательно, решение суда о применении данного способа защиты имеет преобразовательный эффект. Такое решение суда заменяет собой должное волеизъявление ответчика в силу юридической фикции, что демонстрируется на примере норм германского права, а именно § 894 Гражданского процессуального уложения Германии¹ [1, с. 37–40].

Замена волеизъявления участника гражданского правоотношения волей правоприменителя (решением суда). Проблему переквалификации гражданско-правового договора правоприменительными органами, в частности судами, в рамках гражданско-правового института толкования договора исследует Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и

¹ В указанном параграфе закреплена «фикция выражения воли»: если должник понуждается судом к волеизъявлению, таковое считается совершенным с момента вступления в силу судебного решения (см.: Новицкий И.Б. Обязательство заключить договор // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / науч. ред. В.С. Ем, А.Л. Маковский. – Москва, 2006. – Т. 1 – С. 156).

предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) [2]. Речь здесь идет о приеме, в результате применения которого непоименованный договор может быть искусственно подведен под понятие одного из договоров, предусмотренное в законе, с последующим применением правил о таком «типичном» договоре.

Как отмечается в статье, необходимость в толковании договора возникает в случае неясности его положений, затрудняющей установление действительной воли сторон. В связи с этим автор критически относится к законодательному предписанию (ст. 431 ГК РФ), на основании которого при толковании договора приоритет отдается буквальному значению содержащихся в этом договоре слов и выражений, и предлагает иной, «системно-логический», подход, который, по ее мнению, более соответствует современным тенденциям развития договорного права. Суть такого подхода состоит в применении систематического и логического способов толкования договора, превалирующих над его языковым («буквальным») толкованием [2, с. 239–240]. С этих позиций анализируются обстоятельства реальных судебных дел. По мнению автора, применение систематического и логического способов толкования договора позволит избежать ошибочной переквалификации судом (или налоговым органом) спорных договоров [2, с. 240–241].

Е.Б. Козлова приходит к выводу о том, что переквалификация договоров умаляет свободу договора, так как стороны в значительной мере лишаются возможности заключить договор, не предусмотренный законом, и предлагает законодательно запретить такую переквалификацию. Правовым результатом от действия подобного запрета могла бы быть, с точки зрения автора, презумпция (приоритет) действительной воли сторон договора [2, с. 241–242]. В связи с этим отмечается, что при реформировании гражданского законодательства такой нормативный запрет формально был провозглашен в п. 2 ст. 421 ГК РФ, однако указание в тексте этого пункта на возможность переквалификации договора под видом аналогии закона свело на нет законодательную новеллу и вернуло все «на круги своя» [2, с. 241–242].

Согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ, к договору, не предусмотренному законом или иными правовыми актами, при отсутствии признаков смешанного договора, правила об отдельных видах догово-

ров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, не применяются, что не исключает возможности применения правил об аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) к отдельным отношениям сторон по договору. Ныне действующая редакция этого пункта, принятая в результате его изменения законодателем, стала предметом научного обсуждения и критической оценки.

Так, В.А. Микрюков, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, в своей научной статье [3] обосновывает тезис о недопустимости использования аналогии закона для сдерживания свободного, но нежелательного (с точки зрения политики права) экономического поведения. Именно на такое сдерживание ориентировал судебно-арбитражную практику Высший Арбитражный Суд (ВАС) РФ при официальном толковании п. 2 ст. 421 ГК РФ. Пленум ВАС РФ в постановлении от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» разъясняет, что применение к непоименованным договорам по аналогии закона императивных норм об отдельных поименованных видах договоров возможно в исключительных случаях, когда исходя из целей законодательного регулирования ограничение свободы договора необходимо для защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон (второе предложение абз. 2 п. 5). В дозволении применять императивные нормы к непоименованным договорам путем аналогии закона как раз и состоит новизна законоположения, выводимого ВАС РФ из обновленной редакции п. 2 ст. 421 ГК РФ. В остальном текст данного пункта закрепляет общий запрет на применение к непоименованным договорам норм о поименованных договорах, а универсальная возможность использования аналогии закона лишь дополнительно констатируется [3, с. 64–65].

По мнению В.А. Микрюкова, подобная новелла в форме трактовки закона ВАС РФ не заслуживает научного одобрения. Прежде всего, оговорка об аналогии закона перечеркнула основной смысл нововведения, который, по-видимому, состоял в том, чтобы отдать приоритет в регулировании отношений из непоименованного договора условиям данного договора-сделки. Далее, в тех ситуациях, на которые предполагается распространить вышеуказанное разъяснение Пленума ВАС РФ, как правило, отсутству-

ет необходимая предпосылка аналогии закона, а именно: пробел в праве. Речь идет о том, что стороны, заключившие непоименованный договор, урегулировали в его условиях соответствующий спорный вопрос иначе, чем это установлено императивными нормами о сходном «до степени смешения» поименованном договоре, совершив тем самым обход закона – злоупотребление правом (свободой договора). Наконец, указание на «исключительность» случаев, способных быть основанием для применения аналогии закона в ущерб свободе договора, не создает надежной гарантии от произвола правоприменителя. В судебной практике наблюдается настороженное отношение к непоименованным договорам, поэтому суды склонны подводить эти договоры под действие правил о договорах, предусмотренных законом, а критерий исключительности является оценочным и недостаточно определенным [3, с. 65].

Тем не менее В.А. Микрюков полагает целесообразным противодействие со стороны судов попыткам участников отношений, регулируемых гражданским законодательством, обойти нормативные предписания посредством заключения «эксклюзивного» договора. Для этих целей автор предлагает прибегать к мерам против недобросовестного поведения (злоупотребления правом), основанным на нормах пунктов 3, 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, и не обращаться к институту аналогии закона [3, с. 65–66].

Заслуживает внимания проблема применения переквалификации договора с целью сохранить действительность совершенного сторонами волеизъявления, пусть и в несколько измененной форме. По смыслу п. 1 ст. 168 ГК РФ этот способ допускается как «другое последствие нарушения сделкой требований закона или иного нормативного акта», помимо ничтожности или оспоримости договора. В связи с этим представляет интерес решение данного вопроса в праве зарубежных стран.

Магдалена Блават, доцент кафедры гражданского права факультета права и управления Варшавского университета (Польша), в своей статье [4] рассматривает проблемы восполнения и пересмотра судом договорных условий. Вмешательство суда сопоставляется автором с применением правового приема *conversio actus iuridici* – «преобразования юридических актов». В работе ставится цель изучить перспективы реализации этого приема в польской

юриспруденции, с учетом достижений современного сравнительного правоведения [4, р. 76–77].

Автор определяет преобразование (переквалификацию) как юридический прием, при помощи которого юридический акт, несмотря на недействительность, будет считаться подлежащим исполнению (*enforced*) под видом функционально замещающего юридического акта. Предпосылкой для такой переквалификации служит предполагаемое намерение (*hypothetical intent*) сторон заключить данный заменяющий (*substitute*) юридический акт, в случае, если бы они знали, что фактически заключенный договор недействителен. Цель преобразования – в том, чтобы гарантировать исполнение договора, несмотря на его очень существенные юридические недостатки, способные повлечь его недействительность, хотя такое решение суда и напоминает «заключение договора для сторон» [4, р. 77–78].

С точки зрения автора, переквалификацию по *conversio actus iuridici* можно понимать как пример «восполняющего толкования» (*supplementary interpretation*) договора. Дело в том, что данное толкование может иметь целью и устранение пробелов в действительном договоре, и предотвращение правовых последствий недействительности. В первом из вариантов суд формулировал бы пропущенные условия, которые не включены сторонами непосредственно в текст договора, но должны считаться подразумеваемыми условиями, поскольку в противном случае договор не подлежал бы исполнению. Суд выясняет предполагаемое намерение, задаваясь вопросом о том, как именно недостающая часть в содержании была бы восполнена разумными и добросовестными сторонами, с учетом цели договора и иных договорных условий. Второй же вариант (*conversio actus iuridici*) означает установление предполагаемого намерения сторон с помощью чисто абстрактных рассуждений, основанных на несуществующих обстоятельствах. Тем самым суд, по существу, совершает сделку-волеизъявление вместо сторон договора, что не может не вызвать опасений [4, р. 80–81]. К тому же грань между восполняющим толкованием и переквалификацией договора в современной юридической науке и практике зачастую стирается, и неслучайно в общем (точнее, в американском) праве наблюдается осторожное отношение к первому варианту и полный отказ от применения второго [4, р. 81–89].

Как отмечается в статье, польская юриспруденция придерживается весьма либерального понимания свободы договора и осторожного подхода в вопросе об ее ограничениях. Тем не менее под влиянием германской юридической мысли в польской цивилистике была принята концепция *conversio actus iuridici* вместе с предпосылками переквалификации, сформулированными в § 140 Гражданского уложения Германии¹ [4, р. 80]. Такое решение будет в целом полезным, но лишь при условии, что соответствующие меры будут применяться польскими судами в виде исключения из общего правила. Ни восполняющее толкование договора, ни тем более его переквалификацию не следует применять в каждой конкретной ситуации, коль скоро существует презумпция отсутствия такой необходимости [4, р. 89–91].

Заключение

Современные научные исследования в сфере гражданского права позволяют прийти к выводу о необходимости субсидиарного применения автономии воли к ситуациям, на которые не распространяются установленные ограничения этого принципа. При этом, по мере упразднения общенормативных и индивидуальных изъятий из автономии воли, таковая будет восстанавливаться у участников гражданских правоотношений полностью или в соответствующей «урезанной» части.

Список литературы

1. Калдыбаев А.К., Османова Г.К. Последствия нарушения корпоративного договора // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2022. – № 1 (68). – С. 32–42.
2. Козлова Е.Б. Запрет на переквалификацию и его влияние на институт толкования договора // Ученые записки Крымского федерального университета

¹ Этот параграф предусматривает: «При соответствии условий недействительной сделки требованиям, предъявленным к другой сделке, действуют правила, относящиеся к последней, когда есть основания предполагать, что ее действительность отвечала бы воле сторон, если бы им было известно о недействительности первой сделки» (см.: Гражданское уложение Германии: вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. / введ., сост. В. Бергманн ; науч. ред. В. Бергманн [и др.]. – Москва, 2008. – С. 99).

- имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 238–243.
3. Микрюков В.А. Свобода договора и аналогия закона // Юридическая наука. – 2022. – № 6. – С. 64–66.
 4. Bławat M. The court's interference with contracts by supplying and converting the contractual terms // *Utrecht Law Review*. – 2022. – Vol. 18, Is. 1. – P. 76–92.
 5. Research on investors' right of first refusal in private equity investment / Deyu Li [et al.] // *Frontiers in Business, Economics and Management*. – 2023. – Vol. 9, N 1. – P. 347–349.
 6. The application of good faith principle of precontract in common law and civil law contry / Dewanti R.F. [et al.] // *Research, Society and Development*. – 2021. – Vol. 10, N 16. – P. 1–8. – URL: <https://rsdjournal.org/index.php/rsd/article/view/23621> (дата обращения: 12.10.2023).